

ПРЕДМЕТ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА: ИСТОРИЧНОСТЬ СОДЕРЖАНИЯ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ

© 2019 г. Б. С. Эбзеев

Центральная избирательная комиссия Российской Федерации, Москва

E-mail: ebzeev_bs@mail.ru

Поступила в редакцию 24.01.2019 г.

Аннотация. Предлагается новая интерпретация предмета конституционного права, раскрыты его историческое развитие и предопределяющие такое развитие факторы. Особенностью развиваемой концепции является выход за рамки теории правоотношений, которая, по мнению автора, не способна предложить адекватное решение проблемы, стоящей перед всеми отраслями публичного права. Цель статьи – приглашение к дискуссии.

Ключевые слова: конституция, предмет конституционного права, пределы государственного регулирования, социальный порядок.

Цитирование: Эбзеев Б.С. Предмет конституционного права: историчность содержания и тенденции развития // Государство и право. 2019. № 7. С. 54–67.

DOI: 10.31857/S013207690005878-7

THE SUBJECT OF CONSTITUTIONAL LAW: THE HISTORICITY OF THE CONTENTS AND TENDENCIES OF DEVELOPMENT

© 2019 B. S. Ebzeev

The Central election Commission of the Russian Federation, Moscow

E-mail: ebzeev_bs@mail.ru

Received 24.01.2019

Abstract. A new interpretation of the subject of Constitutional Law is proposed, its historical development and factors that predetermine such development are disclosed. The peculiarity of the developed concept is to go beyond the theory of legal relations, which occupies an undivided dominant position in the domestic jurisprudence. Meanwhile, in the opinion of the author, she is unable to offer an adequate solution to the problem facing all branches of public law. In this regard, the purpose of the article is an invitation to a discussion.

Key words: constitution, subject of Constitutional Law, limits of state regulation, social order.

For citation: Ebzeev, B.S. (2019). The subject of Constitutional Law: the historicity of the contents and tendencies of development // Gosudarstvo i pravo=State and Law, № 7, pp. 54–67.

Юриспруденция, как и любая иная наука, включает набор ключевых исходных понятий, составляющих каркас рисуемого ею образа действительности, вне сопряжения которых формирование теоретической системы немислимо. Возможно, это в особенно большой мере наряду с общей теорией права и государства относится к конституционному праву, поскольку именно данная отрасль

юридической науки раскрывает основные начала государственно-правовой бытийности общества, которые предопределяют развитие иных отраслей юриспруденции, образующих целостную систему.

Конституционное право в современном мире – неотъемлемая часть правового строя всякого демократического государства и отрасль национального права. Оно часто рассматривается с точки зрения

его «ставшего» состояния. Между тем рождение конституционализма как нового качественного состояния режима государственной бытийности народа является результатом длительной эволюции, которая в конце XVIII в. вылилась в Великую французскую революцию.

Конституционализм как теория и практика организации публичной власти и взаимоотношений с человеком возник в определенных условиях под влиянием определенных фактов и причин, которые сами претерпевали изменения, и никогда не останавливался в своем развитии. Существенное влияние на развитие сущностных характеристик конституционализма оказали Великая российская революция и западноевропейский социал-реформизм, Вторая мировая война и крушение колониализма. Новым вызовом конституционализму как упорядоченной форме демократии являются постиндустриализм и глобализация, международный терроризм и пр., которые требуют своего правового освоения.

В этой связи выявление логики современного государственно-правового устройства общества, а тем более оценки его перспектив требует осмысления истории становления и развития данной отрасли права и изучающей его науки, равно как и движущих сил такого развития. Речь идет об установлении причинно обусловленной и внутренне необходимой связи между социально-экономическим и духовно-культурным прогрессом общества и его политико-юридическим оформлением на разных этапах единого процесса цивилизационного развития. Историчность конституции как явления правовой действительности требует историчности ее познания, начальная ступень которого — выявление постоянно развивающегося предмета конституционного регулирования.

* * *

Для обозначения соответствующей отрасли права, науки и учебной дисциплины наряду с термином «конституционное право» долгое время использовался, а порой и используется, термин «государственное право», которые в современной юриспруденции обычно рассматриваются как синонимичные. Считается, что в эпоху утвердившегося в мире конституционализма как теории и практики организации взаимодействия между государством и человеком, базирующихся на принципах демократии, верховенства права и прав человека, в таком отождествлении нет большого греха; термин «государственное право» сохраняется как дань давней традиции, корни которой отыскивают в римском праве, но не отражение природы принципиально обновленной в процессе исторического развития отрасли права.

Действительно, более двух тысячелетий существует деление права на публичное и частное, различие между которыми впервые было установлено еще римской юриспруденцией. Как писал Ульпиан (170–228), публичное право (*jus publicum*) есть то, которое относится к положению римского государства, частное (*jus privatum*) — то, которое относится к интересам отдельных лиц¹.

Долгое время правовая наука и юридическая практика рассматривали публичное и государственное право как нечто единое и не делили их на отрасли, а сами эти термины выступали различными обозначениями одного и того же явления. Название «государственное право» служило, с одной стороны, разграничению двух частей публичного права — национального правопорядка, называвшегося государственным правом, т.е. правом, исходящим от государства, и международного права, с другой — отграничению данной части публичного права от частного права.

Начало расчленению публичного права на отрасли было положено основателем исторической школы права немецким юристом Г. Гуго (1764–1844) и активно развивалось И. Кантом (1724–1804) и особенно Ф. Савиньи (1779–1861). В свою очередь, такое расчленение привело к тому, что понятия публичного и государственного права в собственном смысле уже не совпадают, государственное право, а также административное, финансовое, уголовное и судебное право были признаны частями публичного права².

Так появилась относительно самостоятельная отрасль публичного права как совокупности положений, определяющих порядок, в котором реализуется государственная бытийность народа и осуществляется общая жизнь его сочленов. Именно она получила название государственного права.

По проторенному немецкой юриспруденцией пути пошла в XVIII–XIX вв. правовая доктрина большинства стран континентальной Европы. Напротив, французская юриспруденция, развивавшаяся под влиянием порожденных Великой французской революцией Декларации прав человека и гражданина 1789 г. и последующих конституционных актов, отдала предпочтение другому наименованию — «конституционное право» (*droit constitutionnel*), поскольку отныне именно конституция составляет главное содержание данной отрасли права. В XIX в. идея конституционного права, отличного от государственного права,

¹ См.: *Ориу М.* Основы публичного права. М., 1929. С. 23; Римское частное право: учеб. / под ред. И.Б. Новицкого, И.С. Перетерского. М., 2016. С. 2.

² См. подр.: *Еллинек Г.* Общее учение о государстве. Кн. первая. СПб., 1908. С. 278 и сл.

развивается английской юриспруденцией. Словом, наименование «конституционное право» начало активно конкурировать с установившимся обозначением данной части публичного права — «государственное право».

Россия пережила наиболее продолжительную эпоху абсолютизма. Государство, олицетворяемое самодержавным монархом, неограниченное в своей власти и сферах деятельности, выступало главным, если не единственным фактором общественного развития. Мы были единственной европейской державой, которая вплоть до начала XX в. никак не воспринимала конституционные идеи 1789 г. Общую идею, вокруг которой разрабатывались философия и теория государственного права России, хорошо выражала формула И.Е. Андреевского: «Вследствие долгой вековой борьбы выработывался... один государственный элемент — верховная государственная власть..., но она потеряла в этой борьбе другой элемент государственный — гражданскую свободу большей массы народонаселения». По мнению русских ученых, состоявшееся в 1861 г. освобождение крестьян от крепостного права — «это возвращение к потерянному государственному единству, верховная государственная власть становится в союз с другим государственным элементом — свободой многочисленного народа»³.

Но этот «государственный элемент» — «свобода многочисленного народа» — не получил в России в силу своей половинчатости такого глубокого, как в ряде других стран, отражения в системе политических и правовых учреждений государства, а главное — в системе экономических отношений. Россия не знала еще конституции в том виде, в каком она была известна западноевропейским странам.

Соответственно, данная отрасль отечественного правопорядка, становление которой как самостоятельной части правовой системы России относят к Соборному уложению 1649 г.⁴, развивалась как государственное право, а изучавшая ее наука, в ее реальном становлении восходящая к эпохе Петра I, — как наука о государстве, или, как замечательно точно в конце XIX в. определил его предмет выдающийся русский государствовед Н.М. Коркунов, — «учение о юридическом

отношении государственного властвования»⁵. Оно нормировало главным образом отношения, отражающие организацию государства и компетенцию его органов, порядок их формирования и деятельности, а также сословные привилегии и обязанности подданных по отношению к государству. Государство без меры и границ, определяемых по произволу олицетворяющего его монарха, и строгая сословная иерархия с четким установлением сословных привилегий и повинностей подданных — в этом заключался смысл публично-правового регулирования.

Но уже несколько лет спустя под влиянием Высочайшего манифеста от 17 октября 1905 г. «Об усовершенствовании государственного порядка» в спор о наименовании данной отрасли права вступила также отечественная юридическая наука, которая в XVIII—XIX вв. испытала сильное влияние как немецкой, так и французской юриспруденции: речь шла о делении государственного права на собственно государственное в узком смысле этого слова, которое предлагалось именовать конституционным, и административное⁶. Тем самым было положено начало полемике, продолжающейся в юридической науке России с большей или меньшей степенью интенсивности более века.

Причем существо этой полемики вовсе не сводится, как часто считают, только к вопросу о наименовании отрасли права, изучающей ее науки и учебной дисциплины. «Государственное» и «конституционное» право представляют собой различные качественные стадии исторического развития данной отрасли права — ее прошлое и ее

⁵ Коркунов Н.М. Русское государственное право. 6-е изд. Т. 1. СПб., 1909. С. 48.

⁶ См.: Кокошкин Ф.Ф. Русское государственное право. Вып. II. М., 1908. С. 48. Тогда же в юриспруденцию начало входить наименование «конституционное право» (см.: Конституционное государство: сб. ст. СПб., 1905; Ковалевский М.М. Общее конституционное право. Лекции, читанные в СПб. Университете и Политехникуме 1907—1908. Б.г.; Гессен В.М. Основы конституционного права. Пг., 1917). В эту эпоху было положено и начало традиции использовать двойное наименование отрасли, а также науки и учебной дисциплины (см.: Лазаревский Н.И. Лекции по русскому государственному праву. Т. 1. Конституционное право. СПб., 1908).

Превосходный обзор исторического развития представленной отечественной юриспруденции о наименовании отрасли права во взаимосвязи с ее предметом см.: Кутафин О.Е. Предмет конституционного права. М., 2001; Павликов С.Г., Умнова И.А. Указ. соч. Глубокого уважения заслуживают также труды Ю.Л. Шульженко, которыми восстанавливается прерванная Великой российской революцией в октябре 1917 г. последовательность в развитии отечественного государствоведения, и современному читателю возвращаются славные имена наших выдающихся предшественников (см.: Шульженко Ю.Л. Очерк российского конституционализма монархического периода. М., 2008; Его же. Отечественная наука государственного права периодов конституционной монархии и буржуазной республики в России. М., 2012).

³ Андреевский И. Русское государственное право. СПб.; М., 1866. С. 39, 40; Алексеев А.С. Русское государственное право. М., 1897. С. 188—192; Градовский А. Начала русского государственного права. Т. 1. СПб., 1897. С. 1—8; 160, 161; Чичерин Б.Н. Областные учреждения России. М., 1856. С. 576.

⁴ «Именно с момента принятия Соборного уложения появилось основание говорить о формировании российского государственного права как целостной отрасли права, представленной на формально-юридическом уровне в виде системы кодифицированных норм» (см.: Павликов С.Г., Умнова И.А. Конституционное право: учеб. пособие. М., 2015. С. 230).

настоящее. В этой связи указанная полемика была и остается отражением существенно различных представлений об организации публичной власти и пределах ее вторжения в различные сферы общественной и индивидуальной жизни, т.е. в границах государственно-правового регулирования и, следовательно, предмете соответствующей отрасли права.

* * *

Осмысление вопроса о предмете конституционного права тесно взаимосвязано с ответом на вопрос о роли государства в развитии общества и преследуемых им целях, с одной стороны, и его взаимоотношениях с человеком — с другой. Государство является носителем социального порядка, в котором протекает общая жизнь его сочленов. Его существо, функции, задачи и цели, предопределяемые формационно-цивилизационными факторами, не остаются неизменными, но меняются под влиянием социально-экономических и политических процессов. В частности, конституционализм, явившийся результатом духовных исканий западноевропейской цивилизации, возник как ответ на не разрешимые в феодальном обществе противоречия; он стал антитезой государственно-деспотизма.

Соответственно, не остается неизменным предмет публично-правового регулирования. Он развивается под влиянием происходящих в самом обществе процессов и объективно обусловленного логикой исторического развития преобразования государства⁷; историчностью государственно-правового развития общества предопределяется историчность предмета правового регулирования, отражавшего сущностные характеристики взаимодействия государства, общества и личности.

Конституционное право явилось продуктом индустриального общества как особой формы цивилизации, которая в политической сфере оформилась в либерально-демократическое государство, в основе которого лежали рационализм и индивидуализм. Смысл конституционализма Нового времени, сложившегося на новой экономической основе, которая, в свою очередь, породила новую социальную организацию общества, заключался в установлении границ государственной власти, которые обусловлены преследуемыми государством на новом этапе его развития целями.

Выдающуюся роль в переосмыслении целей государства в сфере права сыграли демократические

революции XVII—XVIII вв. и реанимированная ими концепция естественного права. Из такого переосмысления выросло правовое государство как противоположность государству полицейскому, а реализация его социальных целей привела к разрушению феодальных препонов, социально-экономическому и духовно-культурному развитию общества, гарантированному организацией государственной власти, которое ограничено в своих возможностях вторжения в различные сферы жизни общества.

Государство в правовой сфере теперь не есть «все». Оно служит обществу и не может по своей воле вторгаться в некоторые заповедные для него сферы общественной жизни, которые получили название гражданского общества. Именно этому служило дуалистическое видение государства и общества, т.е. их разграничение и противопоставление в эпоху Великой французской революции. В свою очередь, такое противопоставление замечательно точно отразило основное противоречие индустриальной эпохи — общественный характер производства и частнокапиталистическую форму присвоения.

Главным содержанием данной отрасли права стала отныне конституция, обуздавшая всеислие государства, особенно в возможности его вторжения в социально-экономическую и духовно-культурные сферы. В частности, либеральная политико-юридическая мысль, порождением которой и явились первые конституции, считала конституцию актом, который связывает государство, выступая для него своеобразной инструкцией, но не распространяется на сферу частных отношений, т.е. гражданское общество, покоящееся на двух основных институтах — семье и частной собственности, в котором действует гражданское законодательство. Соответственно, конституция теперь рассматривалась как основной закон государства, распределяющий его высшие органы, порядок призвания их к отправлению возложенных на них функций, взаимные отношения и компетенцию, а также положение граждан по отношению к государственной власти⁸.

В соответствии с таким пониманием определялся предмет данной отрасли права. Он сводился главным образом к организации и функционированию государственной власти и ее отношениям с индивидом, основным началом которых были гарантии от тирании публичной власти и индивидуальной свобода в форме естественных прав человека и гражданина, которые, однако, не ставили под сомнение социальные прерогативы, проистекающие из обладания собственностью и капиталом.

⁷ См.: Добрынин Н.М. Конституционное (государственное) право Российской Федерации: современная версия новейшей истории государства: учеб.: в 2 т. Т. 1. Новосибирск, 2015. С. 236.

⁸ См.: Еллинек Г. Указ. соч. С. 371.

Либерализм, которому конституционализм обязан своим рождением, оказался не способен осознать значение интересов различных слоев общества и групп людей, особенно в социальной и экономической сферах. Соответственно, государство выступало «ночным сторожем», деятельность которого сводилась к обеспечению правопорядка; освобожденный от феодальных пут рынок и свободное предпринимательство не нуждались в регулирующем воздействии государства; действие конституции вообще не распространялось на сферу частных отношений.

Словом, ранний западноевропейский конституционализм в своих классических формах, основанных либеральными воззрениями эпохи, довольствовался установлением системы государственных органов и их компетенции, а также закреплением статуса личности, главным образом ее политических и личных прав и свобод. Доминировала концепция «ограниченного правления», исключавшая вторжение государственной власти в некоторые запретные для нее сферы общественной жизни, и якобы «нейтральности» государства, в которой видели гарантию неизменности сложившегося на развалинах феодального общества социального порядка. Из этого выводили право государства на воспрепятствование распространению революционных идей.

В процессе последующего исторического развития индустриальной цивилизации цели государства, развившегося теперь уже на собственной социально-экономической основе, следовательно, и пределы его деятельности продолжали меняться. Общество, основывавшееся на частной собственности, обладавшей критериальной фундаментальностью, классово дифференцированное и раздираемое конфликтом между трудом и капиталом, вопреки надеждам апостолов Великой французской революции оказалось неидеальным. Нависшая над ним угроза разрушения объективно обуславливала необходимость обновления представлений о пределах регулирующего воздействия государства и его целях.

Уже в последней четверти XIX — начале XX в. на передний план в системе целей конституционного устройства общества выдвигаются социальный мир и партнерство, которые в юриспруденции вылились в концепцию «надклассового» корпоративного государства, призванного утверждать социальную солидарность⁹. Тем самым цели государства нуждались в адаптации к потребностям эпохи. Эпоха, когда государство представлялось как сторожевая собака, которая сидит в тесной конуре и на коротком поводке, роль которого выполняет

конституция, осталась в прошлом, принцип правового государства был дополнен принципом социального государства. Тенденция, обусловленная несовместимостью прежних форм частнокапиталистического присвоения с общественной природой высокоразвитых производительных сил, сводилась к расширению естественно-необходимых границ деятельности государства, прежде всего в социальной сфере.

Изменилась доминирующая идеология века. Она уже не удовлетворялась гражданским равенством, а это неизбежно несло с собой новое понимание свободы и социальной ответственности собственности. Западная Европа, избравшая для себя эволюционный путь развития, смогла избежать столь глубоких общественных потрясений, которые пережила Россия. В западноевропейском конституционализме такому дополнению в смысле расширения сферы государственной деятельности послужил социал-реформизм, характерный для социально-экономического пространства Европы и европейской политико-правовой мысли. XVIII—XIX вв. с их противопоставлением государства и общества остались в прошлом, как в прошлом осталось и понимание государства как «ночного сторожа», задача которого — охрана правопорядка, но ему нет места в экономической, социальной или духовно-культурной сферах. В частности, для принятых после Второй мировой войны конституций Италии, Франции, ФРГ, Японии, Испании и др. характерен выход на рамки обычных для прошлого рамок конституционного регулирования. В еще большей степени эта тенденция характерна для конституций латиноамериканских стран, исламского мира, государств Азии. Не отказываются от нее и страны Восточной Европы, а также Африки.

Государство теперь — активный участник социальных и экономических процессов, протекающих в обществе. Именно социальное государство и его активная социальная политика явились главным фактором предотвращения революционизации производственных отношений и преодоления основного противоречия индустриальной эпохи. На этой основе происходила солидаризация интересов составляющих общество социальных слоев и групп и развивались гарантии общего блага. Этим, в свою очередь, объективно обуславливались возрастание значения регулятивного воздействия государства и расширения его границ, а также их конституционное оформление.

* * *

Важное значение в таком переосмыслении роли государства в социальном устройении имела государственно-правовая практика России начала

⁹ См.: Дюги Л. Конституционное право / пер. с фр. СПб., 1908; Его же. Социальное право, индивидуальное право и преобразование государства / пер. с фр. М., 1909.

XX в., обусловленная глубокими социальными катаклизмами и вызванными ими формационными преобразованиями, охватившими все сферы общественной жизни и государственной бытийности страны. Начало становлению практического конституционализма как части правового строя России было положено упомянутым Манифестом 17 октября 1905 г., заложившим первый камень в основу российского конституционализма в смысле ограничения государства основными правами человека и гражданина и легитимации законодательной власти народной волей.

Однако процесс эволюционной конституционализации отечественного правопорядка был прерван в октябре 1917 г. Пришедшие ей на смену конституционная доктрина и практика Великой российской революции означали иной тип конституционализма. Речь теперь шла не «просто» о значительно более широком понимании предмета конституционного регулирования, но о принципиально иной его сущностной характеристике¹⁰.

Это качество отечественного конституционализма вполне отчетливо проявилось в первых актах революции, и особенно в Конституции РСФСР 1918 г., которая своим регулятивным воздействием не только охватывала организацию государства и функционирование публичной власти, но и устанавливала основные начала социальной организации России, всецело определяемой теорией классовой борьбы, а также экономики и духовно-культурных отношений. Тем самым в орбиту конституционного регулирования включалась не только политическая, но и экономическая, и социальная система общества, и даже его нравственные основы.

При этом, однако, государство в правовой сфере имело право на «все», а индивид не был гарантирован в своей автономии. Напротив, его права служили социализации личности и выступали формой и способом ее участия в осуществлении целей революции. Конституция санкционировала регулятивное воздействие государства во всех сферах общественной и индивидуальной жизни, но не ограничивала его. Менялась лишь содержательная характеристика такого воздействия. Эта традиция оставалась неизменной в конституционном развитии советского государства и более или менее последовательно выражалась также в принятых в последующем конституциях СССР и союзных республик.

Такое различие в пределах вторжения публичной власти в ранее заповедные для нее сферы еще

недавно представлялось детерминированным объективными закономерностями буржуазной и социалистической революций. Победа демократических революций в Западной Европе рассматривалась в качестве завершающего акта формирования нового строя, ибо капиталистический способ производства постепенно сложился в недрах феодального общества. Государство, возникшее на его развалинах, не было отягощено, во всяком случае на первых этапах своего существования, необходимостью интеграции в сферу производственных отношений. Гражданское общество, основывавшееся на автономии личности и защищающих ее гарантиях от государства, а также на неприкосновенности частной собственности и капитала, вполне удовлетворялась «правовостью» государства, ограниченного, в отличие от государства полицейского, в пределах собственного усмотрения.

Что же касается завоевания пролетариатом политической власти, оно рассматривалось лишь как первый акт социалистической революции, и именно государство заняло доминирующее положение в механизме не только политического, но и экономического, социального и культурного преобразования общества — государство поглотило общество. Причем непосредственная включенность государства в экономику, культуру, духовную сферу общества расценивалась в качестве его главной характеристики и закреплялась в конституционном и текущем законодательстве в качестве доминанты социального развития России.

Тем самым принцип политической централизации, привнесенный в общество ранним западноевропейским конституционализмом, отечественной конституционной практикой на советском этапе развития страны был дополнен принципом экономической централизации, а акцент на «автоматизм социальной механики», охраняемый государством, уступил свое место вере во всемогущество его социального воздействия.

Великая российская революция, как писали авторы первого марксистского учебника «Советское государственное право», не может удовлетворяться господствующим пониманием задачи и содержания государственного права в буржуазной науке, тщательно избегающей расширения предмета государственного права и самого государственного права: «Мы должны определить предмет государственного права значительно шире и принципиально-методологически иначе, чем это делает буржуазная наука. Предмет государственного права мы видим в изучении правовых норм и институтов, отражающих, закрепляющих и развивающих общественный и государственный строй данного общества, систему общественных и государственных учреждений, принципы их взаимоотношений,

¹⁰ «В условиях советской государственности рушатся все теоретические построения буржуазной науки», — с удовлетворением отмечалось юристами, стоявшими на марксистских позициях (см.: *Бабун Р.* Общее учение о праве и государстве. Киев, 1925. С. 63, 64).

объем их обязанностей и прав, методы их деятельности, а также и изучение различного рода публично-правовых институтов, определяющих права и обязанности граждан как в их отношениях к обществу и государству, так и в их отношениях друг к другу»¹¹.

Данное определение спустя два десятилетия было подвергнуто критике одним из соавторов указанного учебника, поскольку оно скорее характеризовало предмет права в целом, чем предмет государственного права¹². Но в данном случае важен акцент на другом. Характерное для раннего западноевропейского конституционализма понимание конституции как акта, который *ограничивает* государственную деятельность установленными ею формами, способами и пределами вмешательства в соответствующие сферы общественных отношений, отечественной юриспруденцией было заменено пониманием конституции как акта, который *санкционирует* эту деятельность, расширяя прежние представления о предмете конституционного регулирования.

В конце 50 – начале 60-х годов XX в. на фоне известного оздоровления социально-политической обстановки в стране и преодоления наиболее одиозных проявлений авторитаризма в отечественной юриспруденции в процессе поиска ею специфического предмета правового регулирования для конституционного права отчетливо проявились два подхода к его интерпретации, по замечанию Б.В. Щетинина, «широкого» и «узкого» понимания предмета государственного права¹³.

Смысл широкого истолкования предмета конституционного права заключался в том, что к нему относили «те регулируемые правом развивающиеся общественные отношения, которые определяют *основные* черты социально-экономической системы и политической организации социалистического общества, выражают суверенитет народа, а в многонациональных государствах – также и суверенность наций»¹⁴. Тогда же В.Ф. Коток предложил переименовать государственное право в конституционное, полагая, что это позволит лучше выявить специфику предмета данной отрасли. Это предложение было поддержано С.М. Равиным,

¹¹ Советское государственное право: учеб. для юрид. ин-тов / под общ. ред. А.Я. Вышинского. М., 1938. С. 84.

¹² См.: Коток В.Ф. О предмете советского государственного права // Вопросы советского государственного права. М., 1995. С. 46.

¹³ См.: Щетинин Б.В. О понятии предмета государственного права // Правоведение. 1963. № 2. С. 141.

¹⁴ Коток В.Ф. О предмете советского государственного права. М., 1959. С. 51; Его же. О предмете и источниках конституционного права социалистических стран // Конституционное право социалистических стран. М., 1963. С. 9.

И.Е. Фарбером, Н.П. Фарберовым, В.А. Ржевским, В.Т. Кабышевым, О.О. Мироновым и др. Вышел первый в СССР учебник, названный «Советское конституционное право»¹⁵.

Этим взглядам противостояла «узкая» (точнее – консервативная) интерпретация предмета данной отрасли права, которую обычно связывают с именем А.И. Лепешкина: таковым являются «общественные отношения, возникающие в сфере установления политических форм организации власти», причем эти «политические формы» всегда связаны с деятельностью Советов как политической основы государства¹⁶. Словом, предметом государственного права, как и в далеком прошлом, является публичная власть во всех ее существенных проявлениях и формах, ее источник, правовые формы и органы – власть, не ограниченная в «своем праве», и свобода, служившая не индивидуальной автономии личности, а ее социализации, масштаб которой всецело определялся усмотрением государства. Эта позиция разделялась И.Д. Левиным, Г.С. Гурвичем, М.Г. Кириченко и др.

Причем сторонники обоих подходов, как правило, рассматривали предмет данной отрасли права как постоянное в своем содержании явление, игнорируя его связь с природой государства, равно как характер его взаимодействия с обществом. Но если «широкое» понимание предмета государственного права означало попытку вырваться из плена некоторых обретших к тому времени гранитную твердость догм прошлого, то «узкий» взгляд продолжал прежнюю традицию объяснения предмета данной отрасли права. Мало помогало и дополнение этого определения, вполне адекватного режиму государственного абсолютизма, разумеется, с принципиально иными политическими акцентами и идеологическими клише, указанием на социально-экономическую основу советского общества¹⁷.

Трагедия науки заключалась в том, что оба подхода в силу обстоятельств эпохи в равной мере были далеки от конституционализма как формы и способа ограничения государства в интересах общества, пределы которого определяются верховенством права и правами человека. В свою очередь, наука развивалась в тисках идеологического монизма, не приемлющего какой-либо альтернативы юридическому позитивизму. Государство

¹⁵ Советское конституционное право / под ред. С.И. Русиновой, В.А. Рянжина. М., 1975.

¹⁶ См.: Лепешкин А.И. Курс советского государственного права: в 2 т. Т. 1. М., 1961. С. 42.

¹⁷ См.: Денисов А.И. Советское государственное право. М., 1947. С. 130, 131; Советское государственное право. М., 1949. С. 4; Уманский Я.Н. Советское государственное право. Вопросы теории: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1971.

властвовало над конституцией¹⁸. В связи с этим спор о наименовании отрасли права, а также науки и учебной дисциплины — «государственное» или «конституционное» право — действительно носил терминологический характер, и в тех исторических условиях, как с горечью признавали сами его участники, не имел сколько-нибудь существенно-практического значения¹⁹. Разве только способствовал формированию в общественном сознании демократического духа.

* * *

Возвращение России к стандартам демократии, складывавшимся в нашей стране в начале XX в. и доминирующим сегодня в конституционном пространстве Европы, потребовало глубокого переосмысления господствовавших в советский период отечественной истории представлений о предмете данной отрасли права и границах государственного воздействия на общество. Не государство теперь властвует над конституцией, напротив, конституция ограничивает государство и определяет пределы его воздействия на общество и личность. Следовательно, полагает М.В. Баглай, предметом конституционного права являются базовые общественные отношения, регулируемые конституционным правом, которые охватывают две основные сферы общественных отношений: во-первых, охрану прав и свобод человека (отношения между человеком и государством) и, во-вторых, устройство государства и государственной власти (властеотношения)²⁰.

При этом, однако, за пределами предметной характеристики отрасли права остается конституционное регулирование социально-экономической и духовно-нравственной основ публичной власти, а также ее источник — суверенитет народа. В современном мире вне легитимации публичной власти народной волей конституционализация государства невозможна. Главный упрек данной интерпретации предмета конституционного права заключается в том, что конституция по-прежнему представляется в виде акта, только ограничивающего

¹⁸ Как писал А.Я. Вышинский, «право — живая реальность, выражающая собой сущность общественных отношений между классами на почве господства, властвования, подавления и подчинения одними классами, господствующими, других классов, подчиненных этому господству». Несогласные с этим рисковали оказаться в стане «лжемарксистов», «засоряющих лженаучным хламом нашу юридическую литературу» (см.: Советское государственное право: учеб. для юрид. ин-тов / под общ. ред. А.Я. Вышинского. С. 40, 41).

¹⁹ См.: Фарбер И.Е., Ржевский В.А. Вопросы теории советского конституционного права. Вып. 1. Саратов, 1967. С. 8.

²⁰ См.: Баглай М.В. Конституционное право Российской Федерации: учеб. 11-е изд., изм. и доп. М., 2015. С. 17.

государство, но не акта, одновременно санкционирующего его деятельность.

Существенно полнее в смысле охвата конституционным регулированием различных аспектов социальной бытийности народа определяет предмет конституционного права С.А. Авакьян, по мнению которого его составляют наиболее фундаментальные общественные отношения, которыми характеризуются: основы конституционного (общественного) строя Российского государства; сущность и формы власти народа; основы правового положения личности; государственное устройство России; система, порядок формирования, принципы организации и механизм деятельности органов государственной власти и местного самоуправления²¹. Однако настойчивый акцент на политическую природу отношений, по поводу предметов данной отрасли права, сопровождающий авторский вывод, существенно его обедняет, поскольку за его пределами оставляется специфика конституционного воздействия на социально-экономическую и духовно-культурную сферы жизни общества.

Наиболее широкое видение предмета конституционного права, в целом оставаясь в рамках отечественной традиции предметной характеристики права, предлагает О.Е. Кутафин: его составляют «отношения, складывающиеся, по сути дела, во всех сферах жизнедеятельности общества: политической, экономической, социальной, духовной и др.», причем только те общественные отношения, «которые можно назвать базовыми, основополагающими в каждой из этих областей жизни»²².

Различие подходов трех выдающихся государствоведов, разделяемых с теми или иными оговорками большинством российских юристов, не препятствует выводу: действующая Конституция принципиально изменила вектор государственно-правового устройства России: человек — народ — государство и конституционализировала все сферы общественной жизни. Государство в своем былом всевластии осталось в прошлом. Оно ограничено суверенитетом народа, верховенством права и неотъемлемыми правами человека и гражданина. Именно это привело к едва ли не всеобщему утверждению в отечественной юриспруденции термина «конституционное право» как названия соответствующей отрасли, изучающей ее науки, и учебной дисциплины.

Таким образом, если понятие «государственное право» изначально было равнозначно праву, которое исходило от государства, позднее отражало главное в предмете отрасли — организацию

²¹ См.: Авакьян С.А. Конституционное право России: учеб. курс: учеб. пособие: в 2 т. 5-е изд., перераб. и доп. Т. 1. М., 2014. С. 22.

²² Кутафин О.Е. Указ. соч. С. 26.

государства и его взаимоотношения с субъектами, находящимися под его властью, и статус последних и потому часто также именовалось государственным, сегодня наименование данной отрасли права — конституционное право — является отражением сущности конституционного регулирования и ее предметной характеристики. В связи с этим упорное нежелание отказаться от старого наименования отрасли права — это скорее анахронизм, а не верность традиции. Современное конституционное право — качественно новая стадия развития государственного права. Вот почему речь идет не о терминологических предпочтениях или уважении к традиции, а о соответствии понятийного аппарата науки природе отрасли права, меняющейся на различных этапах ее поступательного движения. Объективные процессы развития системы права требуют их адекватного отражения теоретической мыслью и таких лексических форм, которые верно отражают его содержание.

Что же касается предмета конституционного регулирования, цитировавшимися учеными он ограничивается общественными отношениями — «базовыми», «наиболее фундаментальными», «основополагающими», притом, однако, что проблема единства и целостности общества как государственно организованной системы и ее социальных, экономических и духовно-культурных основ, равно как вопрос о присущих всеобщей человеческой природе ценностях, остается за пределами предметной характеристики конституционного права.

Между тем наивно предполагать, что целостность общества как государственно организованного единства народа покоится только на взаимоотношениях людей, которые в результате конституционного воздействия приобретают характер правоотношений с принадлежащими их субъектам правами и обязанностями. В действительности эти отношения складываются на основе выросшего из естественно исторического развития данного общества «порядка вещей», т.е. социального порядка, его институтов, основополагающих принципов, субъектов и персонифицирующих их отношений.

Теория правоотношений, выросшая из гражданского оборота и договора и отвечающая потребностям частного права («ubi commercium, ibi ius» — «где торговля, там право»), не в состоянии дать адекватный ответ на вопрос о природе публично-правового воздействия на общество и роли конституции в обеспечении единства и целостности его государственной организации. Именно поэтому публичное право более двух тысячелетий назад отделилось от частного права, а не в силу различий в деталях.

Отечественная юриспруденция в части предметной характеристики конституционного права во

многом все еще остается в тенетах не критичного позитивизма. Время, когда государство было «первое» конституции, являвшейся простым волеизъявлением публичной власти, осталась в прошлом. В эпоху, когда «первое» конституция, само государство становится частью предмета конституционного регулирования.

Государство — не юридическая фикция, а социальная реальность, конституированная правом. Оно представляет собой союз народа, учредившего единую центральную власть, подчинившую все иные социальные институты и покрывающую всю занимаемую им территорию. Образующие его институты, равно как принципы деятельности, отражают развивающиеся в процессе естественноисторического прогресса реальные традиции народной жизни, которые оформляются конституцией и выступают как юридическая данность, не сводящаяся к юридическому факту или возникающему на его основе конституционному правоотношению.

Именно государство как носитель порядка, в котором протекает общая жизнь индивидов и народа в целом, составляет самый глубокий слой публичного порядка, регламентируемого конституцией. Над ним возвышаются качественные характеристики государства (демократическое, правовое, социальное и проч.), которые отражают юридическое состояние государства и принципы его взаимодействия с обществом и человеком. Конституционному устройству подвергается сегодня не та или иная сфера жизнедеятельности социума, но общество в целом.

Иными словами, практический конституционализм в течение прошедшего столетия претерпел глубокие изменения, в том числе в смысле расширения пределов государственной деятельности, стало быть, и предмета конституционного регулирования. Объективным основанием такого расширения являются развитие индустриально-общества, его социальной структуры и духовно-культурных основ, а также роль государства в глобализирующемся мире. Три фактора оказали непосредственное влияние на такое расширение: во-первых, освоение обществом государства как одной из общественных форм и самого мощного социального фактора силы, аккумулирующего солидарные интересы народа и служащего общему благу; во-вторых, обретение человеком права на общество; в-третьих, взаимосвязанный процесс интернационализации национального правопорядка и конституционализации межгосударственных отношений.

Границы такого регулятивного воздействия ограничены трояким образом: с одной стороны, рынком, принципы которого влияют на все сферы жизни общества; с другой — установленными

в самой Конституции масштабами автономии личности, равно как союзов и ассоциаций индивидов, в числе которых – семья, территориальные и иные общины, политические партии и общественные объединения, корпорации, народы и пр.; наконец, в-третьих, суверенитетом государства, которым предопределяются масштабы интернационализации отечественного правопорядка. За пределами этих границ регламентирующая деятельность государства в современном конституционализме не ставится под сомнение.

Конституция не только ограничивает государство, но и санкционирует его деятельность. Государство все более активно «присутствует» в тех сферах жизни общества, которые ранее для него были заповедны. Разумеется, в странах различных социальных систем и духовно-культурных основ и политических традиций эти пределы существенно различны, но тенденция к конституционному освоению всех сфер общества, в том числе экономической, социальной, политической, культурной, является универсальной для современного конституционализма в его национальной, региональной или глобальной формах. Такое освоение характерно не только для стран континентальной Европы, но и для стран англосаксонского права. Правда, в последнем случае такое «присутствие» чаще всего опосредуется законодателем и судом, а не конституцией, которая его непосредственно не предусматривает. Консервативность конституции преодолевается судебной доктриной, адаптирующей ее к потребностям эпохи.

Отсюда следует, что конституция выступает в современном мире в качестве основного закона не только государства, но и общества и тем самым создает предпосылки для преодоления противопоставления государства и общества. Общество «не может более обходиться без организующей, планирующей и несущей ответственность деятельности государства»²³. В демократии, способной аккумулировать интересы различных слоев и групп общества, конституция, долгое время удовлетворявшаяся устройством государства и закреплением принципов его деятельности, выступает основным правопорядком организации и функционирования общества и обусловленных его природой форм политической, экономической, социальной и духовно-культурной организации народа.

В силу этого частью предметной характеристики конституционного права наряду с политическим обществом является гражданское общество²⁴.

²³ Хессе К. Основы конституционного права ФРГ / пер. с нем. М., 1981. С. 25.

²⁴ См.: Лукьянова Е.А. Еще раз о предмете конституционного права с позиций нового тысячелетия // Конституционное и муниципальное право. 2010. № 1. С. 13–17.

Современные конституции устанавливают основные принципы организации семьи, собственности и предпринимательства, взаимодействия труда и капитала и т.п. Конституция покрывает своим воздействием также сферу великих коллективных интересов народа: науку, культуру, искусство, образование и здравоохранение. Она устанавливает основы взаимоотношений государства и церкви. Словом, сегодня речь идет не о том, что государство не вправе вторгаться в те или иные сферы общественной и даже частной жизни, а о пределах государственно-правового воздействия на эти сферы и его способах.

Таким образом, современный конституционализм охватывает также основные принципы общества и гарантии его институтов. По существу, речь идет о конституировании определенного социального идеала, обязывающего государство. Конституционное право не создает социального порядка, оно моделирует его, учитывая расстановку политических сил и экономической мощи, а также отражая сложившиеся в обществе социальные традиции и его нравственные устои.

Разумеется, этот идеал будет не полон без включения в состав предмета конституционного права ценностей, определяемых всеобщей человеческой природой. Конституционализм сегодняшнего дня, в отличие от правового позитивизма прошлого, в своем регулятивном воздействии и в данной части не может ограничиться только отношениями между людьми. Конститулируемый Основным законом порядок не может быть равнодушен к интеллектуальному и духовно-нравственному развитию человека. Он должен способствовать созданию условий, соответствующих присущему каждому человеку достоинству.

В связи с этим смысл конституционного регулирования заключается в рациональной организации социального порядка, адекватного естественнo-историческим закономерностям общественного развития, и его стабильности. Именно в этом – разумной целесообразности организации публичной власти, несущей социально полезные функции и способной должным образом ответить на вызовы эпохи, ее взаимодействия с личностью и обществом, и устойчивости формализуемого Конституцией социального порядка – заключается главное назначение основного закона. При этом наука уже сегодня должна учитывать влияние на предмет конституционного права, как и правового регулирования вообще, переориентации экономики от товаропроизводства к сервису (развитие «цивилизации услуг») и курса на доминирование наукоемких отраслей промышленности; радикального смещения акцентов в социальной структуре общества (классовая дифференциация постепенно уступает

место дифференциации профессиональной); утраты феноменом собственности своей критериальной фундаментальности, ведущей к тому, что основное социальное противоречие выступает теперь не как конфликт между трудом и капиталом, но как конфликт между некомпетентностью и профессионализмом; радикальной переструктурировки институциональной организации общества и выдвижения на первый план феномена знания и генерирующего его университета²⁵.

Таким образом, предмет конституционного права России носит многослойный характер. Он включает в свой состав легитимированный волей народа социальный порядок; статусы субъектов социального порядка, в том числе человека как высшей ценности и субъекта неотчуждаемых прав и свобод, народа как носителя суверенитета и источника власти, волей которого непосредственно либо опосредованно легитимируется всякая публичная власть, а также государства как носителя социального порядка, пределы деятельности которого установлены конституцией; складывающиеся на их основе конститутивные по своей природе, т.е. действительно основополагающие, отношения, в содержании которых все более заметное место сегодня занимают социальные обязательства государства²⁶. Основными акторами этих отношений являются человек и объединения людей, народ, а также избирательный корпус, территориальные и национальные общности, государство, его органы и должностные лица, органы местного самоуправления.

* * *

Понятие социального порядка, обычно толкуемое как философско-социологическая категория, весьма удачно для определения предмета конституционного права на современном этапе его исторического развития и нуждается в глубоком осмыслении публично-правовой наукой. В этой связи уместно отметить, что само слово «порядок»

²⁵ См.: Белл Даниел. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования / пер. с англ. Т. 1–2. М., 1998; Иноземцев В. Современное постиндустриальное общество: природа, противоречия, перспективы. М., 2000; Всемирная энциклопедия: Философия / гл. науч. ред. и сост. А.А. Грицанов. М., 2001.

²⁶ Именно для обозначения этой части предмета конституционного права в его синтезированном виде юристы обычно пользуются термином «фактическая конституция», а сами отношения, сложившиеся в политической традиции общества, именуют конституционными отношениями, имея в действительности в виду именно их конститутивную (основополагающую, определяющую, базисную) природу (см.: Фарбер И.Е., Ржевский В.А. Указ. соч. С. 16 и сл.; Фарбер И.Е., Кабышев В.Т., Миронов О.О. Советское государственное право. Саратов, 1979). См. подр.: Фадеев В.И. И.Е. Фарбер о предмете конституционного права // Вестник СГЮА. 2013. № 4.

используется в Конституции России 40 раз; 15 раз она воспользовалась термином «социальный», восемь раз — термином «общественный».

Социальный порядок как всеобщая форма бытия общества основывается на сложившихся в нем нормах и ценностях, поддержание которых осуществляется государством, деятельность которого, в свою очередь, программируется конституционным правом. Конституция нормирует не весь социальный порядок, а определяет его каркас. Она моделирует основные организационные и функциональные параметры политической и экономической систем, социального развития и культуры общества. Сама конституция выступает образцом социального порядка. Она устанавливает образцы и постоянные структуры и моделирует процессы эволюции общества, которые отражаются на его функционировании и поведении сочленов социума как целостной системы. В равной мере конституция предусматривает технологии воспроизводства сложившегося социального порядка и способы и средства его реализации, в том числе свободные выборы, политический плюрализм, разделение властей, судебный контроль всей публичной сферы, многообразие форм собственности и т.д.

С этой точки зрения конституция как особая юридическая форма, т.е. закон, отображающий функции и задачи государства в различных сферах жизни общества и распределяющий полномочия между его органами, а также гарантирующий суверенитет народа и права человека и гражданина в виде предписаний государству или ограничений для государства, воспроизводит общеполитический, а также экономический, социальный и духовно-культурный облик государства как важнейшего политического института, олицетворяющего народ, живую традицию народной жизни и сложившиеся в обществе принципы и устремления общества. Конституция распространяет «универсальный закон свободы» на социально-экономическую, политическую и духовно-культурную сферы общества и предопределяет природу и сущность правового регулирования в каждой из них.

Конституируемый Основным Законом России социальный порядок был подготовлен долгим процессом исторического развития и поиска модели справедливого устройства общества. Именно эти два принципа — свобода и справедливость — составляют существенную характеристику выраженного в конституции общественного согласия. Это означает, что конституционное право не есть «просто» совокупность произвольных правовых идей и принципов. Оно образует конкретный порядок определенного общества, которое возникло на соответствующей социологической основе. В этом состоит неперемutable условие действительности

конституционного регулирования, цель которого – солидаризация интересов по меньшей мере большинства общества.

Конституционное право не может быть равнодушным и к негативным факторам, способным разрушительно воздействовать на общество. Конституция, сама являющаяся результатом революции или иного социального катаклизма, по своей природе антиреволюционна. Следовательно, установленный ею социальный порядок должен быть постоянно и надежно защищен от кризисов и болезней самого государства, равно как действий антиобщественных сил и индивидуального эгоизма.

Таким образом, предмет конституционного права имеет не только многослойный, но и комплексный характер. В части, касающейся *экономической сферы*, в Конституции России речь прежде всего идет о преодолении непосредственной включенности государств в экономику, но не об отказе от регулирующего воздействия на нее при конституционном признании равноправия различных форм собственности, свободного рынка и полноценных товарно-денежных отношений.

В *политической сфере* с учетом современного опыта конституционного развития закреплено правовое государство, разделение законодательной, исполнительной и судебной ветвей власти, разграничение функций государственных и общественных органов и организаций, политический и идеологический плюрализм, следовательно, конституционность оппозиции при соблюдении ею установленных Конституцией условий, широкое самоуправление на основе сочетания интересов различных самоуправленческих структур и граждан.

Конституционное воздействие на *социальную систему* сводится в основном к провозглашению принципа социального государства и закреплению ряда экономических, социальных и культурных прав. Речь идет, по существу, о закреплении в Конституции принципов сочетания и взаимодействия индивидуального и коллективного начал в организации общественной жизни, взаимной ответственности общества и личности, а также об обеспечении условий для развития и социальной, и интернациональной природы общества в соответствии с объективными закономерностями исторического прогресса, а не субъективным усмотрением отдельных лиц или группировок и создаваемыми ими идеологически мотивированными моделями. Главная проблема состоит в переводе справедливости из области теоретической абстракции в плоскость социальной и юридической практики.

В *сфере духовно-культурной организации* общества Конституция провозглашает принципы свободы в формировании и функционировании

культуры, образования, науки, религии и пр. при непереносимом уважении к духовной традиции и нравственным ценностям общества.

Представляется, что предметное описание конституционного права требует учета еще одного обстоятельства: в глобализирующемся мире и отчетливо просматриваемой тенденции формирования транснационального конституционализма характеристика предмета национального конституционно-правового порядка будет неполной без учета прямого или опосредованного воздействия основного закона на организацию международных отношений. Конституционное право, тесно взаимодействуя с международным публичным правом, образует механизм сочетания национальных ценностей и идеалов с общецивилизационными процессами независимо от социальных, национальных или территориальных рамок, в которых такое развитие осуществляется. Основой такого механизма является государственный суверенитет.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Авакьян С.А.* Конституционное право России: учеб. курс: учеб. пособие: в 2 т. 5-е изд., перераб. и доп. Т. 1. М., 2014. С. 22.
2. *Алексеев А.С.* Русское государственное право. М., 1897. С. 188–192.
3. *Андреевский И.* Русское государственное право. СПб.; М., 1866. С. 39, 40.
4. *Бабун Р.* Общее учение о праве и государстве. Киев, 1925. С. 63, 64.
5. *Баглай М.В.* Конституционное право Российской Федерации: учеб. 11-е изд., изм. и доп. М., 2015. С. 17.
6. *Белл Даниел.* Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования / пер. с англ. Т. 1–2. М., 1998.
7. Всемирная энциклопедия: *Философия* / Гл. науч. ред. и сост. А.А. Грицанов. М., 2001.
8. *Гессен В.М.* Основы конституционного права. Пг., 1917.
9. *Градовский А.* Начала русского государственного права. Т. 1. СПб., 1897. С. 1–8; 160, 161.
10. *Денисов А.И.* Советское государственное право. М., 1947. С. 130, 131.
11. *Добрынин Н.М.* Конституционное (государственное) право Российской Федерации: современная версия новейшей истории государства: учеб.: в 2 т. Т. 1. Новосибирск, 2015. С. 236.
12. *Дюги Л.* Конституционное право / пер. с фр. СПб., 1908.

13. *Дюги Л.* Социальное право, индивидуальное право и преобразование государства / пер. с фр. М., 1909.
14. *Еллинек Г.* Общее учение о государстве. Кн. первая. СПб., 1908. С. 278, 371.
15. *Иноземцев В.* Современное постиндустриальное общество: природа, противоречия, перспективы. М., 2000.
16. *Ковалевский М.М.* Общее конституционное право. Лекции, читанные в СПб. Университете и Политехникуме 1907–1908. Б.г.
17. *Кокошкин Ф.Ф.* Русское государственное право. Вып. II. М., 1908. С. 48.
18. Конституционное государство: сб. ст. СПб., 1905.
19. *Коркунов Н.М.* Русское государственное право. 6-е изд. Т. 1. СПб., 1909. С. 48.
20. *Коток В.Ф.* О предмете и источниках конституционного права социалистических сторон // Конституционное право социалистических стран. М., 1963. С. 9.
21. *Коток В.Ф.* О предмете советского государственного права. М., 1959. С. 51.
22. *Коток В.Ф.* О предмете советского государственного права // Вопросы советского государственного права. М., 1995. С. 46.
23. *Кутафин О.Е.* Предмет конституционного права. М., 2001. С. 26.
24. *Лазаревский Н.И.* Лекции по русскому государственному праву. Т. 1. Конституционное право. СПб., 1908.
25. *Лепешкин А.И.* Курс советского государственного права: в 2 т. Т. 1. М., 1961. С. 42.
26. *Лукьянова Е.А.* Еще раз о предмете конституционного права с позиций нового тысячелетия // Конституционное и муниципальное право. 2010. № 1. С. 13–17.
27. *Ориу М.* Основы публичного права. М., 1929. С. 23.
28. *Павликов С.Г., Умнова И.А.* Конституционное право: учеб. пособие. М., 2015. С. 230.
29. Римское частное право: учеб. / под ред. И.Б. Новицкого, И.С. Перетерского. М., 2016. С. 2.
30. Советское государственное право. М., 1949. С. 4.
31. Советское государственное право: учеб. для юрид. ин-тов / под общ. ред. А.Я. Вышинского. М., 1938. С. 40, 41, 84.
32. Советское конституционное право / под ред. С.И. Русиновой, В.А. Рянжина. М., 1975.
33. *Уманский Я.Н.* Советское государственное право. Вопросы теории: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1971.
34. *Фадеев В.И.* И.Е. Фарбер о предмете конституционного права // Вестник СГЮА. 2013. № 4.
35. *Фарбер И.Е., Кабышев В.Т., Миронов О.О.* Советское государственное право. Саратов, 1979.
36. *Фарбер И.Е., Ржевский В.А.* Вопросы теории советского конституционного права. Вып. 1. Саратов, 1967. С. 8, 16.
37. *Хессе К.* Основы конституционного права ФРГ / пер. с нем. М., 1981. С. 25.
38. *Чичерин Б.Н.* Областные учреждения России. М., 1856. С. 576.
39. *Шульженко Ю.Л.* Отечественная наука государственного права периодов конституционной монархии и буржуазной республики в России. М., 2012.
40. *Шульженко Ю.Л.* Очерк российского конституционализма монархического периода. М., 2008.
41. *Щетинин Б.В.* О понятии предмета государственного права // Правоведение. 1963. № 2. С. 141.

REFERENCES

1. *Avak'yan S.A.* Konstitucionnoe pravo Rossii: ucheb. kurs: ucheb. posobie: v 2 t. 5-e izd., pererab. i dop. Т. 1. М., 2014. P. 22.
2. *Alekseev A.S.* Russkoe gosudarstvennoe pravo. М., 1897. P. 188–192.
3. *Andreevskij I.* Russkoe gosudarstvennoe pravo. SPb.; М., 1866. P. 39, 40.
4. *Babun R.* Obsheee uchenie o prave i gosudarstve. Kiev, 1925. P. 63, 64.
5. *Baglaj M.V.* Konstitucionnoe pravo Rossijskoj Federacii: ucheb. 11-e izd., izm. i dop. М., 2015. P. 17.
6. *Bell Daniel.* Gryadushchee postindustrial'noe obshchestvo. Opyt social'nogo prognozirovaniya / per. s angl. Т. 1–2. М., 1998.
7. Vsemirnaya enciklopediya: Filosofiya / Gl. nauch. red. i sost. A.A. Gricanov. М., 2001.
8. *Gessen V.M.* Osnovy konstitucionnogo prava. Pg., 1917.
9. *Gradovskij A.* Nachala russkogo gosudarstvennogo prava. Т. 1. SPb., 1897. P. 1–8; 160, 161.
10. *Denisov A.I.* Sovetskoe gosudarstvennoe pravo. М., 1947. P. 130, 131.
11. *Dobrynin N.M.* Konstitucionnoe (gosudarstvennoe) pravo Rossijskoj Federacii: sovremennaya versiya novshej istorii gosudarstva: ucheb.: v 2 t. Т. 1. Novosibirsk, 2015. P. 236.
12. *Dyugi L.* Konstitucionnoe pravo / per. s fr. SPb., 1908.
13. *Dyugi L.* Social'noe pravo, individual'noe pravo i preobrazovanie gosudarstva / per. s fr. М., 1909.
14. *Ellinek G.* Obsheee uchenie o gosudarstve. Кн. первая. SPb., 1908. P. 278, 371.

15. *Inozemcev V.* Sovremenno postindustrial'noe obshchestvo: priroda, protivorechiya, perspektivy. M., 2000.
16. *Kovalevskij M.M.* Obshchee konstitucionnoe pravo. Lekcii, chitannye v SPb. Universitete i Politekhnikume 1907–1908. B.g.
17. *Kokoshkin F.F.* Russkoe gosudarstvennoe pravo. Vyp. II. M., 1908. P. 48.
18. Konstitucionnoe gosudarstvo: sb. st. SPb., 1905.
19. *Korkunov N.M.* Russkoe gosudarstvennoe pravo. 6-e izd. T. 1. SPb., 1909. P. 48.
20. *Kotok V.F.* O predmete i istochnikah konstitucionnogo prava socialisticheskikh storon // Konstitucionnoe pravo socialisticheskikh stran. M., 1963. P. 9.
21. *Kotok V.F.* O predmete sovetskogo gosudarstvennogo prava. M., 1959. P. 51.
22. *Kotok V.F.* O predmete sovetskogo gosudarstvennogo prava // Voprosy sovetskogo gosudarstvennogo prava. M., 1995. P. 46.
23. *Kutafin O.E.* Predmet konstitucionnogo prava. M., 2001. P. 26.
24. *Lazarevskij N.I.* Lekcii po russkomu gosudarstvennomu pravu. T. 1. Konstitucionnoe pravo. SPb., 1908.
25. *Lepeshkin A.I.* Kurs sovetskogo gosudarstvennogo prava: v 2 t. T. 1. M., 1961. P. 42.
26. *Luk'yanova E.A.* Eshche raz o predmete konstitucionnogo prava s pozicij novogo tysyacheletiya // Konstitucionnoe i municipal'noe pravo. 2010. № 1. P. 13–17.
27. *Oriu M.* Osnovy publichnogo prava. M., 1929. P. 23.
28. *Pavlikov S.G., Umnova I.A.* Konstitucionnoe pravo: ucheb. posobie. M., 2015. P. 230.
29. Rimskoe chastnoe pravo: ucheb. / pod red. I.B. Novickogo, I.S. Pereterskogo. M., 2016. P. 2.
30. Sovetskoe gosudarstvennoe pravo. M., 1949. P. 4.
31. Sovetskoe gosudarstvennoe pravo: ucheb. dlya yurid. in-tov / pod obshch. red. A. Ya. Vyshinskogo. M., 1938. P. 40, 41, 84.
32. Sovetskoe konstitucionnoe pravo / pod red. S.I. Rusinovej, V.A. Ryanzhina. M., 1975.
33. *Umanskij Ya.N.* Sovetskoe gosudarstvennoe pravo. Voprosy teorii: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk. M., 1971.
34. *Fadeev V.I.* I.E. Farber o predmete konstitucionnogo prava // Vestnik SGYuA. 2013. № 4.
35. *Farber I.E., Kabyshev V.T., Mironov O.O.* Sovetskoe gosudarstvennoe pravo. Saratov, 1979.
36. *Farber I.E., Rzhhevskij V.A.* Voprosy teorii sovetskogo konstitucionnogo prava. Vyp. 1. Saratov, 1967. P. 8, 16.
37. *Hesse K.* Osnovy konstitucionnogo prava FRG / per. s nem. M., 1981. P. 25.
38. *Chicherin B.N.* Oblastnye uchrezhdeniya Rossii. M., 1856. P. 576.
39. *Shul'zhenko Yu.L.* Otechestvennaya nauka gosudarstvennogo prava periodov konstitucionnoj monarhii i burzhuaznoj respubliki v Rossii. M., 2012.
40. *Shul'zhenko Yu.L.* Oчерk rossijskogo konstitucionalizma monarhicheskogo perioda. M., 2008.
41. *Shchetinin B.V.* O ponyatii predmeta gosudarstvennogo prava // Pravovedenie. 1963. № 2. P. 141.

Сведения об авторе

ЭБЗЕЕВ Борис Сафарович – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, заслуженный деятель науки РФ, член Центральной избирательной комиссии Российской Федерации; 109012, г. Москва, Б. Черкасский пер., д. 9

Authors' information

EBSEEV Boris S. – Doctor of Law, Professor, honored lawyer of the Russian Federation, honored scientist of the Russian Federation, member of the Central election Commission of the Russian Federation; 9 B. Cherkassky lane, 109012, Moscow, Russia